Багрицкий Анатолий

30.04.04

✓ Винни Пух и все-все-все

✓ Чистая мифология

...е для всех

Хотя он довольно скептически относится к рецензиям о собственном творчестве, размещенным в Интернете, воспользуюсь все-таки строчкой одного из них: «Его не надо классифицировать, его надо просто слушать». И вслушиваться, потому как слова здесь - не ради самих слов. И, к ужасу своему, понимать, что поется-то и говорится не о какой-то другой жизни, а об этой самой...

Анатолий БАГРИЦКИЙ, поэт, музыкант, недавнюю встречу с которым организовало Калужское творческое объединение «Очень разные звуки» (руководитель Ирина Кулагина), с Калугой до этого был не знаком, но местной публике уже известен. Наведались они к нам из города на Неве с Александром Петерсоном и, естественно, с концертом. Впрочем, концертом - в устоявшемся банально-официальном смысле слова - это и не назовешь, скорее общением, где, собственно, зритель ощущал себя и не наблюдателем даже, а СО-участником.

Ну а песни... Сумрачно-ироничный взгляд сквозь дождь, у которого «привкус хлорки», на то, что проходит, протекает, происходит. И оставляет что-то в душе. Или не оставляет. И хочется закрыть глаза. И не слушать - невозможно.

Я неизменно выбираю самые красивые слова...

Территория (прил. к газ. Весть) — Калуга. — 2004. — 30 апр. — с. 21

- Я родом из Ростова-на-Дону и достаточно долго там жил, пока не переехал в Санкт-Петербург. Последние три года живу там, пытаюсь реализовать свои творческие амбиции. Там мне как-то сразу повезло познакомиться с Башаковым, Комаровым, Арбениным, Петерсоном - людьми, которые - может, громко будет сказано, но я это так называю - представляют ленинградскую школу, если не поэтическую, то по крайней мере исполнительскую, музыкальную. Ну, это люди, о которых - без преувеличения - будут писать книжки через 10-20 лет. Я счастлив, что с ними знаком. А теперь вот с Сашей Петерсоном играем в дуэте, он участвует в этом проекте параллельно с «Зимовьем Зверей». Пишу стихи большей частью. В последнее время как-то и песен стал больше писать - для этого проекта и вообще.

- А чем еще занимаетесь?

- Работаю на радио ведущим музыкального эфира. Это моя основная работа.

- Какое же место во всем этом занимает творчество?

- Главное.

- Мне всегда было интересно: в какой момент творческий человек понимает, что он - творческий человек и ничем другим заниматься больше не может?

- Я думаю, человек всегда это поймет. Художник - в широком смысле - всегда лучше других знает, насколько хорошо то, что он делает - лучше публики, продюсера - лучше всех. Если художник начинает говорить, что все, что он делает, плохо, или то - плохо, а это - хорошо, то это скорее диалог с собой, к которому вообще не стоит прислушиваться. Сам-то он хорошо знает цену каждому своему слову и каждой ноте.

- Ради творчества приходится чем-то жертвовать?

- Да ничем! А чем приходится жертвовать? Я пишу стихи, их можно писать где угодно.

- Недавно к нам приезжала Юля Теуникова, говорила, что приходится. Работой, например.

- Ну, Юля - другое дело. Она же великолепная исполнительница, и ей нужно реализовываться на сцене. Я себя комфортно чувствую на сцене, но страстной потребности в этом не испытываю.

- Кто ваш лирический герой? Не Винни-Пух же! (В одной из песен прозвучало, что этот персонаж - его лирический герой).

- Винни-Пух. Только немножко повзрослевший.

- И какой он, повзрослевший?

- Ну...такой же толстенький, такой же сладкоежка. Он так же любит своих друзей, правда, за годы дружбы они немножко ему надоели, как это бывает иногда. Но он их искренне любит. Понимает, что друзей не выбирают, что они появляются в жизни так же, как родители. Друг может быть подонком, но он не перестает от этого быть другом. И ты можешь быть подонком, но это не значит, что ты перестаешь быть другом для кого-то. Он понимает, что дружба - это и есть любовь.

- И сколько в нем вашего личного, а сколько того, придуманного?

- Да все придумано! Все - мифология!

- Разве песни вы поете не о себе?

- О себе, но это не автобиографичные песни, хотя все они обо мне. И о моих друзьях. О родителях... Но это же - мифология. Вот я живу три года вдалеке от родителей и родственников и сейчас воспринимаю их как персонажей очень любимой книги. Когда ее читаешь, настолько погружаешься в атмосферу происходящего там, что персонажи продолжают жить рядом с тобой. Я к своим родственникам так же отношусь - я люблю их этой любовью - не как настоящих людей. И моя жизнь все больше похожа на миф, и так должно быть.

- Вы этого хотите?

- Да, для меня это так и должно быть. А песни - это мифология в чистом виде.

- Человек со временем меняется, как-то изменяются взгляды на некоторые вещи. Отражаются ли на вашем творчестве эти перемены?

- Я путешествую по возрасту, как по территории. Время - это география, на мой взгляд. Ты передвигаешься из точки А в точку Б - из года в год, и там все оказывается другим. Вчера тебе было 20, потом 21 - это просто разные километры. И ландшафт меняется за окном все время.

- Не потому ли во многих ваших произведениях появляются впечатления, навеянные дорогой?

- В дороге времени свободного больше: вроде нечем заняться - приходится что-то писать. Ну, сначала - читать, понятное дело, но это быстро надоедает.

- А что читаете?

- Недавно я прочел великолепнейший, на мой взгляд, роман московского барда Александра О'Шеннона «Антибард». У меня такое впечатление, что Бог дал ему талант исполнителя и сочинителя для того, чтобы он пожил 40 лет этой жизнью и написал такой роман.

- Какую музыку слушаете?

- Я сейчас слушаю радио «Эрмитаж», которое передает музыку в стиле джаз и блюз. Вообще, в последнее время предпочитаю слушать музыку без названий: покупать саундтреки к фильмам, которых не видел, с названиями на языке, которого не понимаю. Не потому, что это какая-то концепция. Просто слушаю - и все.

- Свое сегодняшнее выступление вы назвали мелодекламированием...

- Да, чтение стихов под музыку. Но мы, конечно, не только этим занимаемся - песни мы поем. Есть совершенно разные номера, и я могу гордиться тем, что я разный. Как человек - разный.

- Где находите темы для своих произведений?

- В книжках в основном. В книгах и картинах. Художники воодушевляют гораздо больше, чем поэты или еще кто-то... Да, художники, пожалуй, наибольшее оказывают на меня влияние. Мой лирический герой живет в картинах Ван Гога, Ренуара, может быть, американских художников конца 20 века. Это персонаж, который путешествует по времени, но при этом сохраняет некий угол зрения.

- В Интернете вас называют современным Сашей Черным.

- Дураки...

- Говорят также, что вы «в меру - декадент, в меру - романтик».

- Этих людей не знаю и, по-моему, они меня - тоже.

- Это рецензии.

- Я читал эти рецензии и вообще не мог понять, о чем речь, если честно. Мы пытаемся делать музыку... не сектантскую. Отечественная музыка разделена на секты: либо ты рок-исполнитель, либо ты джаз-исполнитель, либо ты чмо-исполнитель, неважно. Я не сектант в этом отношении: меня многое восхищает и в поп-музыке, и в джазе, и в блюзе.

- Вы восхищаетесь нашей поп-культурой?! Если здесь вообще уместно слово «культура»...

- Я об этом не думаю. Мне нравится, например, Бритни Спирс: все ее ругают, а она даже не понимает, что происходит. В песнях многих наших исполнителей - Агутина, Меладзе - есть свой мир, слушаешь и погружаешься в него, нравится он или нет.

- А себе какое-то место отводите в общекультурном контексте?

- Нет, но я готов, наверное, к какой-то роли. По крайней мере то, чего я хочу, это заявить о себе теми песнями, которые меня характеризуют, потому что опыт некоторых моих друзей показывает, что именно так нужно поступать, иначе тебя все время будут принимать не за того парня.

Когда говорят, что искусство - это самовыражение, это чушь полная. Искусство ничего общего с самовыражением не имеет. Это чужая жизнь. И мы просто прикасаемся к этой жизни, я в том числе. В этом вся прелесть.

- Но для чего-то люди этим занимаются? Вы для чего-то это делаете?

- Ну, это интересно... Это как заглянуть в чужое окно ночью, когда горит свет на кухне. Заниматься творчеством - это заглядывать в другую жизнь.

- И что вы там видите - вы же заглянули?

- Я спел об этом.

Вопросы задавала
Татьяна РОМАНОВА.

Вхожу в этот город, как червь заползет в нарыв.
Пробита столбами, зудит воспаленная кожа.
Я выгляжу старше, хотя я намного моложе
Своих одноклассников, черт бы побрал эти нервы,
А с ними все то, чем приказано мне дорожить,
Чем принято пичкать зажатую в угол квартиру,
В которой, как рыба в стакане, а все же приходится жить
И мучиться близостью к этому страшному миру.
И слышать, и видеть, и всеми задворками чувств
Томиться причастностью. Как рядовой мафиози,
Причастный ко всем преступлениям клана, и я научусь
Стоять перед карабинерами совести в самоуверенной прозе.
Удачная рифма звучит интервалом в ушах.
Сорвавшимся лифтом лечу к средоточию шахт,
Чтоб, падая тенью, сшибая бока о коренья,
Без пищи и радости, секса и сна, ну и пусть,
Подолгу писать свои лучшие стихотворенья,
По долгу писателя помнить их все наизусть.

Сборник «Террикон».